

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ИСТОРИИ.

ОДНОСТОРОННИЙ писатель, Н. Н. Страховъ, работавъ и въ области исторіи, такъ тѣсно связанной съ литературой. Изъ его черновыхъ бумагъ видно, что онъ задумывалъ обширный историческій трудъ философскаго характера, собиралъ необходимый для этого матеріалъ, даже началъ систематическое его изложеніе подъ заглавіемъ—«Главная задача исторіи», но все это осталось лишь въ отрывкахъ, которые, однакоже, настолько интересны, что я препровождаю ихъ для напечатанія въ «Историческій Вѣстникъ».

Ив. Матченко.

I.

«Во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ необходимо различать явленія настоящія отъ фальшивыхъ. Въ неодушевленной природѣ и въ жизни животныхъ этого различія нѣтъ; но въ человѣческомъ мірѣ фальшь является непремѣнно и, кажется, бываетъ тѣмъ обильнѣе и сильнѣе, чѣмъ выше извѣстная область человѣческой дѣятельности. Источникъ фальши, очевидно, заключается въ самой двойственности человѣческой жизни. Что бы мы ни дѣлали, что бы ни чувствовали и ни мыслили, все существуетъ для насъ въ двухъ видахъ: во-первыхъ, какъ дѣйствительность, какъ дѣйствительное дѣло, чувство, мышленіе, и, во-вторыхъ, какъ идея, представленіе

объ этомъ самомъ дѣлѣ, чувствѣ и мысли. Эта способность представленія и ведетъ насъ къ фальши, такъ какъ даетъ возможность человѣку уклоняться отъ дѣйствительности и вмѣсто настоящихъ явленій производить ихъ подобія. Именно, тогда какъ въ дѣйствительности каждая вещь и каждое дѣло существуетъ всегда во всей своей полнотѣ и перестало бы существовать при отсутствіи какого бы то ни было изъ своихъ условій, въ представленіи, по самой сущности этой способности, явленія могутъ отражаться во всевозможныхъ степеняхъ ясности и полноты, и слѣдовательно, могутъ быть опущены самыя существенныя черты, и можетъ быть схваченъ лишь односторонній и отрывочный его образъ. Между тѣмъ человѣкъ дѣйствуетъ и творитъ, руководясь своими представленіями, и въ этомъ случаѣ та драгоценная способность, посредствомъ которой мы можемъ анализировать каждое извѣстное намъ явленіе, раздѣлять его на части и разлагать на элементы, разбирать отдѣльно каждую его черту и, наоборотъ, уловлять малѣйшій признакъ явленій, намъ извѣстныхъ и трудно доступныхъ,—эта самая способность дѣлается источникомъ всяческихъ уродствъ, всякаго рода фальши. Создаются безчисленныя явленія, которыя лишь по наружности, по нѣкоторымъ чертамъ, подобны настоящимъ явленіямъ, и въ нѣкоторыхъ не достаетъ самаго существеннаго, внутренняго содержанія».

«Исторія, какъ и другія науки, имѣетъ свои существенныя нормальныя источники и формы. Въ области умственной дѣятельности человѣка она зарождается даже неизбѣжнѣе, растетъ крѣпче и шире, чѣмъ какая бы то ни было другая отрасль знанія».

«Смерть и забвеніе—вотъ участь всего живого и всякаго душевнаго проявленія. Но человѣкъ вооружается противъ закона времени; онъ хочетъ, чтобы люди и народы съ ихъ судьбами, мыслями и чувствами, вѣчно жили въ нашей памяти. Хотя безпрестанно, ежеминутно новая жизнь смѣняетъ старую, мы хотимъ, чтобы старая не исчезала, не теряла своего бытія и оставалась передъ нашими глазами въ формѣ мысли, въ видѣ правдиваго точнаго разсказа, яркой живой картины. Откуда это желаніе? Очевидно, корень его заключается не въ исканіи какой нибудь пользы, не въ любви и благодарности къ предкамъ, однимъ словомъ, не въ какомъ нибудь побужденіи настоящей минуты и нашей личной жизни, а въ естественномъ дѣйствіи нашихъ способностей и въ томъ значеніи, которое можетъ имѣть это дѣйствіе. Мы обладаемъ способностью памяти, мы умѣемъ помнить, а потому и желаемъ помнить».

«Исторія, такимъ образомъ, основана на памяти, слѣдовательно, на томъ душевномъ отпращеніи, которое входитъ, какъ существенный элементъ, во всѣ другія отпращенія; и она относится къ человѣческому міру, слѣдовательно, къ такому, который есть міръ

по преимуществу историческій, временный. Понятно поэтому, что главная масса того, что пишется и печатается, посвящена исторіи».

«Эта огромная сфера нашей умственной дѣятельности, какъ легко видѣть, переполнена фальшивыми явленіями. Несмотря на все обиліе исторической литературы, часто говорятъ не безъ основанія, что исторія еще не есть наука, или что у насъ нѣтъ еще исторіи (того или другого народа, той или другой эпохи)¹⁾. Тогда какъ, напримѣръ, математики и химики спокойно работаютъ надъ возведеніемъ зданія своей науки, и каждый камень, приносимый отдѣльнымъ ученымъ, каждый кирпичъ, имъ сформованный и высушенный, идетъ на расширеніе и возвышеніе этого зданія, — историка какъ будто осуждены на бесплодную работу вѣчнаго перебирания все тѣхъ же матеріаловъ и вѣчныхъ попытокъ строить зданія, которыя скоро опять разваливаются и иногда даже рушатся подъ руками самихъ строителей».

«Эта разниа, конечно, главнымъ образомъ, зависитъ оттого, что математики и химики работаютъ по требованіямъ, установленнымъ и неизмѣняющимся, тогда какъ историкъ руководится требованіями, измѣняющимися съ теченіемъ времени. Каждый вѣкъ циншетъ исторію по-своему, подобно тому, какъ и отдѣльный человѣкъ измѣняетъ свой взглядъ на свое прошлое, смотря по той точкѣ развитія, съ которой онъ смотритъ на это прошлое. Но, сверхъ того, требованія въ исторіи такъ велики и такъ общи и отвлечены, что ученые и вообще писатели не въ силахъ ихъ выполнить, какъ слѣдуетъ, и потому вѣчно производятъ лишь подобіе исторіи, нѣчто, лишь по наружному виду, похожее на ея истинныя формы. Когда мы читаемъ простодушную лѣтопись монаха или записки частнаго человѣка о своей жизни, мы часто бываемъ чрезвычайно довольны — очевидно потому, что простыя и ясныя требованія, которыми задавались эти писатели, выполнены ими почти въ совершенствѣ. Но, читая ученые сочиненія объ исторіи, мы обыкновенно поражаемся ужасною несоразмѣрностью между задачами и самого автора и тѣми, которыя онъ въ насъ возбуждаетъ, съ одной стороны, и чрезмѣрно слабымъ и неправильнымъ выполненіемъ этихъ задачъ, съ другой. Очевидно, однако, мы не чувствовали бы тутъ никакой фальши и не были бы раздражаемы

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ своей книги «Борьба съ Западомъ» Н. Н. Страховъ, по поводу спора изъ-за «Россіи и Европы» Н. Я. Данилевскаго, говоритъ объ общей сокровищницѣ знаній всего человѣчества, какъ наслѣдіи, принадлежащемъ одинаково всѣмъ народамъ. Каждый народъ вноситъ въ нее плодъ своей цивилизаціи, и она, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе обогащается. Но имѣетъ ли эта сокровищница дѣйствительное значеніе для человѣчества? Хотя она и для всѣхъ открыта, однако разумно пользоваться ею трудно, такъ какъ въ нашихъ библиотекахъ бережно сохраняются всевозможныя заблужденія, противорѣчія и нелѣпости (кн. 2, изд. 3-е, стр. 215, 217).

противорѣчіемъ между требованіями исторіи и ихъ выполненіемъ, если бы каждый авторъ ясно видѣлъ свою дѣйствительную работу, не представлялъ бы вполне извѣстнымъ то, что извѣстно лишь отчасти, не выдавалъ бы гипотезу за доказанную имъ истину, отдѣльную черту за цѣлую картинну, матеріалъ за готовое зданіе, — словомъ, если бы онъ строго держался въ предѣлахъ дѣйствительной работы своей мысли».

«Возможно ли и какъ возможно сдѣлать это въ исторіи? Мы предлагаемъ себѣ, такимъ образомъ, методологическій вопросъ, т. е. мы хотѣли бы рассмотреть, какія различныя правильныя формы можетъ имѣть и должна проходить исторія. Мы предполагаемъ, что возможно открыть цѣль, къ которой стремится эта наука, и что есть опредѣленные и ясныя пути, по которымъ слѣдуетъ идти къ этой цѣли. Отыскивая эту цѣль и эти пути, мы, очевидно, будемъ стараться найти не временныя, а всегдашнія черты этой умственной сферы. Во всякихъ умственныхъ работахъ самое важное для ученаго не увѣренность въ достиженіи полной истины, предполагаемаго результата работы, а увѣренность въ методѣ, въ томъ пути, по которому идетъ работа. Силы человѣка всегда ограничены — не только въ разсужденіи того, что онъ можетъ сдѣлать, но и въ разсужденіи того, чѣмъ онъ можетъ обладать. Поэтому нужно довольствоваться тѣмъ, когда мы чувствуемъ себя на твердой почвѣ и знаемъ, что трудимся не бесплодно. Нужно стараться найти такія формы работы, чтобы все, нами сдѣланное, несмотря на неполноту и недоконченность, не содержало въ себѣ ничего фальшиваго, несоразмѣрнаго съ дѣйствительнымъ содержаніемъ нашего труда».

II.

«Войдемъ прямо въ нашъ предметъ. Исторія есть изложеніе судьбы человѣчества. Мы такъ уже привыкли къ отвлеченности, что для насъ легко и даже неизбежно брать предметъ исторіи въ этой его общности и цѣлости. Мы беремъ все человѣчество, какъ нѣчто единое, и задаемся мыслью изобразить его развитіе отъ начала и до настоящей минуты. Мало того: по естественному теченію мысли мы задаемъ себѣ вопросъ о будущемъ, о томъ, куда идетъ и къ чему приведетъ это развитіе. Изъ разсказа о минувшемъ исторія часто переходитъ въ предсказаніе о будущемъ, и такимъ образомъ захватываетъ весь возможный объемъ своего предмета».

«Такова идея, отвлеченное представленіе о содержаніи исторіи. Легко согласиться, что настоящей мысли тутъ еще нѣтъ, такъ какъ созерцаніе судьбы человѣчества въ его цѣломъ есть дѣло невообразимо-трудное, если не невозможное, и не оно внушаетъ намъ мысль объ этомъ объемѣ исторіи, а напротивъ, мы задаемся

заранѣ этимъ объемомъ и стараемся наполнить его всеѣмъ созерцаніемъ, какое намъ достижимо. Несмотря на такую явную трудность задачи, попытки всякихъ построений исторіи и предсказаній будущаго развитія человѣческаго рода есть дѣло очень обыкновенное. Фальшивость такихъ порожденій ума часто сама собою бросается въ глаза, и можно сказать, что вообще они уже не обманываютъ насъ. Рѣдко кто останавливается на нихъ съ тѣмъ вниманіемъ, которое соответствовало бы важности ихъ предмета. На нихъ справедливо смотрятъ съ полуулыбкой, какъ на игру ума, а не какъ на настоящую его работу. Определенное и отчетливое изложеніе минувшаго развитія и будущаго хода человечества намъ уже противно, такъ какъ даетъ всему предмету сухость и окаменѣлость, противорѣчащая нашему чувству при представленіи всякаго рода жизни, и мы лучше готовы остаться въ невѣдѣніи, охотнѣе миримся съ таинственной загадочностью исторіи, чѣмъ съ самымъ рациональнымъ ея объясненіемъ».

«Но требованія отвлеченной мысли неизбежны. Неизбѣжно, невольно мы задаемъ себѣ вопросы о началѣ и концѣ человечества и о соотношеніи его частей, какъ чего-то цѣлаго, и очевидно самая важность этихъ вопросовъ, ихъ высокій интересъ для человѣка, побуждаютъ насъ такъ часто отвѣживаться на попытки ихъ разрѣшенія. Легко однако же поставить себя въ правильное отношеніе къ этой работѣ ума. Такъ какъ побужденія къ этимъ вопросамъ и основанія для ихъ разрѣшенія находятся въ области мысли, не соприкасаются съ дѣйствительностью, то есть возможность, такъ сказать, насквозь видѣть всѣ движенія ума, которые при этомъ происходятъ, и не обманываться въ ихъ значеніи. Прошедшее есть то, что уже не существуетъ, а будущее то, что еще не существуетъ, и слѣдовательно, то и другое является намъ лишь въ идеѣ, а не въ дѣйствительности. Анализируя свои идеи, мы можемъ видѣть ихъ связь и не принимать гипотезы за твердую истину и своего желанія за неизбѣжную необходимость вещей».

«Гораздо труднѣе правильная постановка мысли, когда дѣло идетъ о настоящемъ. Настоящее есть наша дѣйствительность, и мы связаны съ нимъ нашею плотью и кровью, всеѣмъ существомъ своимъ, а не одною безплотною мыслью¹⁾. Глядѣть отвлеченно на настоящее всего труднѣе, и полная отвлеченность здѣсь даже едва ли возможна».

На этомъ систематическое изложеніе обрывается.

Изъ сохранившагося же при этомъ черноваго матеріала выпи-

¹⁾ Въ статьѣ «О времени, числѣ и пространствѣ» Н. И. Страховъ говоритъ: настоящее существуетъ, прошедшее и будущее не существуетъ... А такъ какъ мы ничего не можемъ признать существующимъ внѣ времени, то и все существующее должно заключаться въ настоящемъ, или: только то существуетъ, что существуетъ въ настоящемъ» («Русскій Вѣстникъ», 1897, I, 74). И. М.—го.

сываемъ слѣдующіе болѣе или менѣе цѣльные отрывки и замѣтки:
«Исторію потому привлекательна, что къ ней можно относиться чисто созерцательно, чего нельзя къ современнымъ событіямъ».

«Какъ во всякой наукѣ, я ищу въ исторіи постояннаго, неизмѣннаго, вѣчныхъ силъ и законовъ.

«То-есть—я отвергаю, считая менѣе существеннымъ все прогрессирующее».

«Поэтому нравственная природа для меня важнѣе, чѣмъ умственная».

«Такъ и Бокль признаетъ, что нравственность не прогрессируетъ; только онъ находитъ въ этомъ ея негодность для исторіи, тогда какъ нужно, наоборотъ, изъ прогрессивности знанія выводить ея негодность».

«Такъ и Гюго признаетъ, что поэзія не прогрессируетъ сравнительно съ наукой, слѣдовательно, важнѣе науки».

«Тотъ, кто пережилъ самъ переходъ отъ одной эпохи къ другой (хотя бы и небольшой переходъ и не между большими эпохами), долженъ былъ непременно замѣтить, что ожившая эпоха далеко не исполнила своихъ задачъ, не развила своихъ мыслей и плановъ до конца, и что новая эпоха явилась какъ будто со стороны и подавила всѣ незрѣвшія начинанія предшествовавшей эпохи. Этотъ характеръ перехода тѣмъ для насъ яснѣе, чѣмъ сильнѣе мы были проникнуты мыслями и чувствами старой эпохи. Странно утверждать, что какое нибудь дѣло, учрежденіе, ученіе, развилось до конца, отжило свое время и потому было смѣнено другимъ. Естественная смерть есть такое же рѣдкое явленіе въ исторіи, какъ и въ неразумной природѣ».

«Первое впечатлѣніе человѣка, начинающаго мыслить, т. е. дѣлающаго попытки становиться внѣ жизни и созерцать ее, конечно, будетъ то, что онъ находится въ потокѣ исторіи, т. е. что дѣйствительность, его окружающая, и вся обстановка его жизни есть плодъ какого-то громаднаго и незапамятно-древняго движенія. Онъ слышитъ знаменитыя имена и рассказы о великихъ событіяхъ; одна «краткая священная исторія» уже должна дать ему понять, что онъ живетъ наслѣдіемъ тысячелѣтій. Не знаю, часто ли встрѣчается то чувство, которое я такъ сильно испытывалъ въ дѣтствѣ, чувство пустыни, затерянности въ мірѣ. Казалось, что историческая жизнь совершается гдѣ-то далеко-далеко, а прежняя, уже совершившаяся, также давно миновала (напримѣръ, 12-й годъ казался двѣнадцатимѣсячнымъ, мартъ, 1901 г., т. LXXIII.

лѣтнему мальчику въ 1840 году ¹⁾ уже большою древностью). Главное же казалось, что чѣмъ древнѣе ими и событіе, тѣмъ они величавѣе, героичнѣе, богоподобнѣе, и что въ самой сѣдой древности совершалась самая важная исторія, которая уже никогда не повторялась и не повторится. Такимъ образомъ, человекъ самому себѣ кажется жалкимъ и мелкимъ въ сравненіи съ великимъ міромъ настоящаго и великою исторіею прошедшаго. И слѣдовательно, главнымъ предметомъ его желаній будетъ приблизиться къ далекому отъ него величію»...

«Тотъ на себѣ испыталъ исторію, кто видѣлъ, какъ на его глазахъ важное и громкое забывалось и исчезало. По мѣрѣ теченія времени нашъ взглядъ на предметы измѣняется, блѣднѣютъ имена знаменитостей, тогда какъ иные изъ прошлыхъ дѣятелей какъ будто растутъ все больше и больше, и не только не помрачаются новыми, а скорѣе выигрываютъ отъ сравненія. Вотъ дѣйствіе исторіи!»

«Въ послѣднее время въ образованномъ мірѣ все больше и больше, кажется, является людей, которые недовольны не то, чтобы собственной особою или другою какою нибудь частностью, а недовольны вообще ходомъ всемірной исторіи. Тутъ нѣтъ, конечно, ничего мудренаго. Кто же можетъ быть доволенъ всемірною исторіею? Въ ней столько слезъ и гризи, столько крови и огня, такъ сильно еще играетъ животная природа человека, такъ открыто и всеильно царствуетъ эгоизмъ и своскорыстіе, что этимъ зрѣлищемъ никакъ не можетъ остаться доволенъ человекъ, получившій порядочное воспитаніе, привыкшій къ чистоплотности, обладающій тонкимъ обоняніемъ и изящнымъ вкусомъ».

«Дѣло понятное, но загадка дальше. Многіе изъ людей, о которыхъ я говорю, не ограничиваются однимъ недовольствомъ, одними разсужденіями и сожалѣніями, однимъ не безъ пріятности совершающимся созерцаніемъ всеобщей мерзости и собственной красоты. Нашлось немало такихъ, которые отъ всей души желаютъ и даже всячески стараются и усиливается измѣнить ходъ всемірной исторіи. Опять — ничего страннаго тутъ найти невозможно. Если ходъ какого нибудь дѣла намъ не нравится, если мы находимъ въ немъ явные и разительные недостатки, то не естественно ли приложить всѣ старанія къ тому, чтобы исправить этотъ ходъ».

«Дѣло — самое понятное. Но старанія этихъ людей до сихъ поръ оказываются совершенно неудачными, исполнѣ безуспѣшными. Тя-

¹⁾ Н. Н. Страховъ родился въ октябрѣ 1828 г., и въ 1840 г. ему было 12 лѣтъ. П. М.—ко.

желый ходъ всемірной исторіи не поддается ихъ усиліямъ. Что это — факты, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Стоитъ только вспомнить всю длинную и плачевную исторію этихъ попытокъ. Изъ нихъ, я думаю, можно вывести только одно заключеніе, именно, что люди, опасные для существующаго порядка, вовсе для него не опасны, что ихъ называютъ такимъ образомъ несправедливо, и что вѣрнѣе будетъ, если мы возьмемъ обратное отношеніе и скажемъ, что это — люди, для которыхъ чрезвычайно опасенъ существующій порядокъ».

«Это — общій выводъ. Но были, конечно, случаи, когда дѣло, повидимому, шло не такъ. Желаніе измѣнить ходъ всемірной исторіи иногда становилось весьма распространеннымъ увлеченіемъ, и мы помнимъ два случая, когда люди, наиболѣе желавшіе этого измѣненія, стояли во главѣ великаго народа, такъ что въ рукахъ ихъ была полная возможность двинуть колесницу исторіи въ ту сторону, въ какую только имъ вздумается. Увы! эти исключенія, если только въ нихъ вдуматься, самымъ разительнымъ образомъ подтверждаютъ лишь общее правило (невозможность измѣнить ходъ событій). Въ самомъ дѣлѣ: происходило нѣчто невѣроятно-странное, фактически трагикомическое; походило на то, какъ будто человекъ, поавшій въ болото, самъ тащилъ себя изъ него и притомъ находилъ, что поступаетъ не только высоко-разумно, но и героически. Дѣло скоро кончалось; болото затягивалось, и тяжелая колесница исторіи проходила мимо по твердой почвѣ, давя и низвергая все на пути».

«Замѣчательно здѣсь одно обстоятельство. Люди, недовольные ходомъ этой колесницы и желающіе повести ее по дорогѣ, которую считаютъ наилучшею, уже давно порѣшили, что для этой цѣли всѣ средства позволены. Такое правило можно бы было осудить, если бы дѣло не шло именно о всемірной исторіи. Въ какихъ нибудь пустякахъ, конечно, можно ставить себѣ извѣстные предѣлы, но когда дѣло идетъ о такой безконечной выгодѣ, о такомъ благѣ, выше котораго ничего нѣтъ и быть не можетъ, именно — объ измѣненіи къ лучшему всего хода исторіи, тамъ странно было бы чѣмъ нибудь затрудняться, тамъ совѣстливость была бы грѣхомъ передъ человечествомъ. Вотъ почему, что бы ни говорили моралисты (да ихъ, впрочемъ, кажется, и нѣтъ нынче), но вся просвѣщенная Европа въ настоящее время извиняетъ средства цѣлью и не думаетъ считать безнравственными тѣхъ, кто дѣйствуетъ по этому правилу. Дѣло чистое; оно дѣлается не ради собственной выгоды, а для общаго блага, притомъ наибольшаго изъ всѣхъ благъ» ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь находимъ болѣе подробное развитіе мысли, выраженной въ третьемъ письмѣ о «Нигилизмѣ». (Борьба съ Западомъ, кн. 2-я, издан. 3-е, стр. 80—81). П. М.—ко.

«Казалось бы—чего лучше? Если одни люди стѣсняются въ своихъ дѣйствіяхъ, ставятъ себѣ извѣстные предѣлы, а другіе, напротивъ, всё себѣ позволяютъ, то, повидимому, перевѣсъ непременно долженъ быть на сторонѣ вторыхъ. Всемирная исторія никогда не разрѣшала себѣ всѣхъ средствъ. Какъ ни много въ ней крови и грязи, она всегда заявляла притязаніе на чистоту нравовъ и приличіе. Недовольные ея ходомъ весьма зорко открыли въ ней это слабое мѣсто и весьма справедливо направили на него свои усилія. И что же? самымъ страннымъ образомъ оказывается, что вдругъ средства не достигаютъ цѣли, какъ будто воее и не въ средствахъ дѣло, какъ будто даже наоборотъ—успѣшно и побѣдоносно можетъ идти только то, что идетъ само собою, безъ всякаго употребленія какихъ бы то ни было средствъ».

Н. Н. Страховъ.

